

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-177-187>

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2Рос = Рус)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. О.В. Богданова
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2024 г. Е.А. Власова
г. Санкт-Петербург, Россия

СТРАТЕГИИ ВОСПРИЯТИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ ИОСИФА БРОДСКОГО «СТАНСЫ»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01007,

URL: <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>;

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Аннотация: В статье предлагается анализ знаменитого стихотворения Иосифа Бродского «Стансы (“Ни страны, ни погоста не хочу выбирать...”»), весьма популярного среди поклонников творчества Нобелевского лауреата (1987), но крайне редко оказывающегося предметом литературоведческой рефлексии, преимущественная интерпретация которого — включение в общие обзоры. В работе показано, что текст «Стансов» порождает споры и что практика его восприятия двойственна. Одни исследователи (напр., А. Измайлов) относят стихотворение к любовной лирике — на том основании, что оно исходно представляет собой текст «в альбом» и включает дедикацию подругам автора (Е.В., А.Д.). Другие исследователи (в том числе и авторы данной статьи) анализируют механизм перерастания любовного текста в медитативный, философский и выявляют художественные стратегии, позволяющие перейти на иной (не интимный) уровень восприятия «Стансов» Бродского. Показано, что метафизика пространства, моделируемого Бродским, преодолевает масштаб реальных географических координат строгих улиц-линий Васильевского острова Ленинграда, но открывает многомерность философского вектора-взора лирического героя «Стансов». Сферой присутствия лирического персонажа оказывается не Васильевский остров, но мистико-мифологическая безграничная Вселенная. Контраст всеобщности и частности, беспредельности и конкретики, продемонстрированный Бродским, вносит в повествование напряжение и драматизм, маркирует остроту внутреннего конфликта поэтического сюжета, позволяя преодолеть публичную «нелюбовь» автора к одному из его самых интимных стихотворений.

Ключевые слова: И. Бродский, «Стансы» (1962), лирика любовная и медитативная, фактология и мифология, «петербургский текст».

Информация об авторах:

Ольга Владимировна Богданова — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,

наб. реки Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, наб. реки Фонтанки, д. 15, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>

E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Елизавета Алексеевна Власова — доктор филологических наук, старший библиотекарь, Рукописный отдел, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, д. 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Россия; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, наб. реки Фонтанки, д. 15, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5781-7466>

E-mail: kealis@gmail.com

Дата поступления статьи: 07.08.2023

Дата одобрения рецензентами: 21.02.2024

Дата публикации: 25.06.2024

Для цитирования: Богданова О.В., Власова Е.А. Стратегии восприятия стихотворения Иосифа Бродского «Стансы» // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 177–187. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-177-187>

Стихотворение Иосифа Бродского «Стансы» — одно из самых известных среди ранних лирических произведений поэта. Написанное в 1962 г., оно (или хотя бы первые его строки) известно каждому:

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать [9, т. 1, с. 209].

Звучащие весьма гражданственно и патриотично, строки стихотворения «Стансы», как ни странно, представляли собой «стихи в женский альбом» и действительно были вписаны рукой Бродского в альбом студентки филологического факультета ЛГУ Елены Валихан, в 1960-е гг. проживавшей по адресу: ВО, Среднегаванский пр., д. 1. Об этом пишет А. Измайлов: «Здесь, на Васильевском острове, юного Бродского поддерживали университетские друзья и подруги. <...> В доме на Среднегаванском он ощущал тепло общения, сохранил эту дружескую верность до конца своих дней. Он приходил сюда один, вместе с друзьями с филологического факультета. Он чувствовал себя здесь как дома, читал свои стихи, шутил, выслушивал замечания в адрес прочитанного, писал посвящения в альбомы. В “Стансах”, посвященных Е.В. и А.Д., студенткам филологического факультета, он написал: “Твой фасад темно-синий / я впотьмах не найду, / между выцветших линий / на асфальт упаду”» [5].

Действительно, текст «Стансов» сопровождается посвящением: Е.В. и А.Д., — которое, согласно воспоминаниям Я. Гордина, является монограммами имен Елены Валихан и Али Друзиной. Об отношениях с адресатами послания Я. Гордин рассказывает: «В октябре <1958> мы вернулись с целины. Я, как прошедший армию и превосходивший многих своих однокашников, а тем более однокашниц, по возрасту, был бригадиром. По возвращении я познакомил Иосифа с девушками из своей бригады — Алей Друзиной и Олей Бродович. А через них он, естественно, свел знакомство и с их подругами» [4, с. 16].

Если, по словам Я. Гордина, «Оле <Бродович> посвящена ранняя лирика Иосифа», то «никаких романических отношений с Алей у них не было», «он <Бродский> относился к ней именно с дружеской нежностью» [4, с. 16]. Аля Друзина стала персональным адресатом «исполненного взволнованной нежности» [4, с. 16] «Письма к А.Д.». Другой адресат «Стансов» — Е.В., Елена Валихан — из того же круга друзей (подруг) Иосифа Бродского, ей персонально посвящена одна из глав «Петербургского романа» (глава 6).

Атмосферу времени написания стихотворения «Стансы» воспроизводит Л.Г. Морозова (Кондратьева), представительница того же круга знакомых филологического факультета ЛГУ: «Начиная с первого курса с нами много времени проводил Иосиф Бродский, а также его друзья. Ося был радушно принят всей нашей студенческой группой, многим он посвящал свои стихи. <...> Мы были очень по-семейному дружны, <...> весело смеялись, когда слышали непосредственные высказывания и суждения юного Бродского, относясь к нему как к брату, другу. И спустя годы эти далекие и нежные воспоминания о студенческих годах сохраняют искренность человеческих отношений, и строки стихотворений Оси, которые он дарил нам, девочкам, на листках, украшенных собственными виньетками» (цит. по: [5]).

Если принять буквально «нежные воспоминания» о рубеже 1950-х – 1960-х, то альбомные «Стансы» раннего Бродского должны быть квалифицированы как элегическое послание, как некая юношеская (отчасти игровая) поза прощания лирического героя и его мистического (метафорического) ухода. Тогда строки «Стансов» должны восприниматься в субъективно-личностном ключе, в традиции альбомных дедикаций, не претендующих на поэтическую глубину.

Строки первой строфы:

Твой фасад темно-синий
Я впотьмах не найду [9, т. 1, с. 209]

— могут прочитываться как непосредственная апелляция к адресату послания. Эпитет «твой» — атрибутируется как принадлежность той самой N-героини, которая проживала за темно-синим фасадом дома на Васильевском острове. «Выцветшие линии» [9, т. 1, с. 209] — те самые линии-улицы (в частности вблизи 26-й и 27-й линий ВО), которыми еще при Петре I был четко расчерчен план островного пространства. И тогда все три строфы «Стансов» — внутренний монолог лирического героя, обращенный к предмету поклонения, последние слова его прощания и драма грядущего расставания юных сердец. Именно так и воспринимает «Стансы» А. Измайлов, изыскивая точные топографические примеры (в том числе домовый адрес) проживавших здесь подруг Бродского [5].

Однако вряд ли стихотворение Бродского может быть ограничено этими лирическими рамками — его поэтическая семантика много шире и глубже. По справедливому утверждению А. Ранчина, у Бродского «даже когда в стихотворение включена деталь, имеющая точный адрес, эта реалия становится предметом метафизического абстрагирования» [7, с. 153]. Такого рода суждения могут быть приложимы и к «Стансам».

Друзья Бродского (прежде всего Л. Лосев [6, с. 37–59]) нередко повторяют, что стихотворение «Стансы» поэт не любил, упоминание о нем будто бы вызывало в авторе неизменную и нескрываемую досаду.

Я. Гордин вспоминает эпизод, когда «во время одного из интервью Иосифа спросили — кому посвящено одно из самых известных его ранних стихотворений “Стансы”».

Он <Бродский> ответил, что не помнит. По какой-то причине ему не хотелось называть имена, хотя ни Лену Валихан, ни Алю Друзину <...> он, разумеется, забыть не мог» [4, с. 16].

Кажется, будто Бродский сознательно уходил от разговора о «Стансах».

Между тем, по мысли Бродского, «восприятие — вот что делает действительность значимой» [9, т. 5, с. 112]. Добавим, не только действительность, но и текст, стихотворение, поэтические интенции. Представляется, что «досаду» в Бродском — применительно к «Стансам» — вызывал не сам текст стихотворения и не его поэтическая контентность, но характер его *восприятия*.

С одной стороны, слишком прямая связь с адресатами послания, конкретизация деталей перитекста, расшифровка угаданных имен уплощали восприятие строк, превращали стих в «старомодное» альбомное любовное послание, тогда как семантика «Стансов» много глубже.

С другой стороны, иная тенденция — выпрямление текста и сведение всего его смысла к первым четырем строкам, звучащим (около-)декларативным заявлением, тоже не могло не породить неприятие поэта: Бродский — не Маяковский, его поэзия чужда лозунговости, публицистичности, «крылатой» афористичности. Иными словами, у поэта были причины, по которым он старался уйти от открытого разговора о «Стансах».

Между тем согласиться, что Бродский «не любил» это раннее стихотворение, вряд ли возможно. Уже будучи в эмиграции, поэт неоднократно включал его в свои публичные выступления — однако, заметим, что «Стансы» репрезентировались им не как «любовная лирика», но как «стихи о городе». При таком ракурсе восприятия перитекстуальный элемент — посвящение Е.В. и А.Д. — утрачивает локализующую семантику любовного послания, но становится указанием на хронотопическую (время и место) константу, маркирующую (эпи)центр городского пространства Петербурга-Петрограда-Ленинграда. Как известно, и стихи Бродского, и его очеркистика относят этот центр именно к Васильевскому острову.

Из эссе «Полторы комнаты»: «Отец <...> был офицером, заведующим фотолабораторией Военно-морского музея, расположенного в самом прекрасном во всем городе здании. А значит, и во всей империи. То было здание бывшей фондовой биржи: сооружение несравненно более греческое, чем любой Парфенон, и к тому же куда удачней расположенное — на стрелке Васильевского острова, врезавшейся в Неву в самом ее широком месте...» [9, т. 5, с. 328].

Другими словами, скрытый от посторонних субъективно-личностный пафос «альбомного стиха» отходит на периферию текста, и на передний план выдвигается субстанциальный ракурс восприятия — «Стансы» как диалог с городом, более абстрактный, но емкий. И этот диалог позволяет осмыслить причастность-принадлежность «Стансов» к традиционному «петербургскому тексту».

Как известно, в определении В. Топорова, авторитетного теоретика (и основоположника) концептологии «петербургского текста» [8], доминантой метасферы «петербургского текста» является его мистическая составляющая, апелляция к инобытийным пространствам, ориентация на субстанциальные ракурсы миропонимания. Именно эти аспекты и эксплицирует «городской» текст Бродского.

Метафизика пространства, моделируемого Бродским, начинает формироваться с первых строк, особенно если учесть, что знаменитые строки «Ни страны, ни погоста / не хочу выбирать. / На Васильевский остров / я приду умирать» пишет молодой человек

всего 22-х лет от роду. Тема смерти открывает стихотворение и пронизывает все три его строфы, формируя стержневую ось поэтического восприятия. Мотив не любовного прощания, но прощания с жизнью порождает трагедийную энергию стиха, заставляя все последующие строки текста воспринимать в тональности этой доминантной ноты.

Обращает на себя внимание оборот «ни страны, ни погоста...» — лирический герой стихотворения числит себя не в узком локусе (пусть и великого) города, но в пространстве между множественными странами и погостами, по внутреннему ощущению лирического героя — мыслит *везде*, в любой географической (и мистической) точке Вселенной, уже в первых двух строках преодолевая ограниченные рамки любовного послания. Как демонстрирует текст, последняя остановка лирического героя возможна в любой точке мироздания.

Вселенский масштаб мироощущения лирического персонажа выводит его за пределы конкретного я-героя, но репрезентирует как представителя многосубъектного мира, не конкретного «я», но одного из множественных «я» всего человечества, возводит его до органичной части любой нации и народа, любой территории и страны. Лирический герой Бродского уже в первом четверостишии первой строфы достигает, с одной стороны, статуса уникальности, с другой — типичности и универсальности. Лирический персонаж перерастает границы индивидуальной (и индивидуализированной) поэтической личности, но поднимается на уровень надличностный, над(все)мирный.

Масштаб пространственных координат, изначально заданных Бродским, перемещает стихотворение за пределы интимной любовной лирики, открывая простор философской многомерности «Стансов». Между тем при всем размахе сферы присутствия лирического героя центром не города, но Вселенной для поэтического (все)героя Бродского становится точно обозначенный, поименованный в тексте Васильевский остров. Контраст всеобщности и частности, беспредельности и конкретики (Вселенная ↔ Васильевский остров) вносит в повествование напряжение и драматизм, маркирует исходную остроту внутреннего конфликта лирического «сюжета».

В поэтическом пространстве стиха Бродского конкретика адреса (Среднегаванский, д. 1) вытесняется (замещается) городским «адресом» — стрелка Васильевского острова, с профилем колоннады исторического здания Биржи. Голубовато-серый фасад Биржи «впотьмах» видится «темно-синим», позади него прочерчивается геометрия «выцветших линий», неосуществленных петровских улиц-каналов.

Поэтика стихотворения Бродского — конкретного по своей адресации и фактографичного по реальной ситуации — смещает восприятие текста из пространства личного и субъективного в сферу безличную и мистическую. Индивидуально-личностные интенции заслоняются надличностными, возводя «частный случай» в ранг всеобщности. Внутренний монолог лирического героя слышится отчетливо обращенным не к адресатам послания, но к городу, с которым персонаж вступает в односторонний диалог. Молчание города (= Вселенной) величаво и «равнодушно» [9, т. 1, с. 209], т. е. а priori драматично, если не трагично.

Жанровая форма стансов, диктующая смысловую завершенность и замкнутость каждой строфы, отделяет первые две терцины от последующего текста и актуализирует особую субъектно-личностную связь: герой — город. Лирический персонаж к городу, далеко простирающемуся вокруг эпицентрального Васильевского острова, обращается «на ты» («*твой*»), тем самым акцентируя близость субъекта и объекта, актуализируя давность их знакомства и приятельства. Лирический герой в первой (как и в двух

последующих строфах) неизменно апеллирует к городу от собственного имени, что отражается в грамматических формах глаголов и использованного местоимения: «не хочу» (1 строфа) — перволичная форма глагола; «услышу я голос» (2 строфа) — местоимение 1 лица и перволичная форма глагола, «увидю» (3 строфа) — снова глагол будущего времени в форме 1 лица ед. ч. Отсутствие официоза в обращении к городу (вслед за Пушкиным: «Люблю тебя, Петра творенье...») стилистически допустимо встраивает стихотворение Бродского в традицию «петербургского текста».

Троекратное использование отрицательных частиц не / ни («ни страны», «ни погоста», «не хочу») обеспечивает экспликацию приема «утверждения через отрицание», придающего первой строфе стихотворения напряженный, почти клятвенный оттенок. Лирический герой фактически (парафрастически) признается в любви — но не некой героине, а городу, малой точке в огромном пространстве, тем самым драматизируя и обостряя связь, которая неизбежно и трагически будет (должна быть) прервана смертью. Поэтическая звукопись, опирающаяся на аллитерированные сонорные *н* и *м* и ассонансные *и* и *а*, придает строкам Бродского фонетический и фонематический синтез, придающий пронзительность передачи смысла вечного прощания (*у-м-и-р-а-н-и-я[й-а]*). Рифмические пары «синий / линий», «остров / погост», «выбирать / умирать» дополняют и усиливают воздействие звукописи. В итоге первая строфа «Стансов» объективирует трагический смысл неизбежного расставания-ухода, а конкретика локализации на Васильевском острове эксплицирует глубинно-преданное чувство любви к единственному в безграничном мире стран и погостов месту, которое «жгуче» близко лирическому герою.

Вторая строфа «Стансов» выписана, с одной стороны, более конкретно и «прозаично», едва ли не в деталях воссоздавая городские картинки-пейзажи Васильевского острова, с другой стороны, она (в отличие от первой строфы) ощутимо наделена более смягченной лексикой (не друг, но «дружок» [9, т. 1, с. 209]) и подчеркнута аккумуляцией фонетически открытого ударного «о» («дружок», «снежок», «голос» и др.).

Во второй — жанрово самостоятельной — строфе происходит смена поэтического субъекта: на переднем плане оказывается не лирическое я героя, но образ покидающей тело души, «поспешающей» во тьму» [9, т. 1, с. 209].

И душа, неустанно
поспешая во тьму,
промелькнет над мостами
в петроградском дыму,
и апрельская морось,
под затылком снежок,
и услышу я голос:
— до свиданья, дружок! [9, т. 1, с. 209]

Окружающий мир обретает картинно-пейзажную и одновременно субъективно-визуализированную предметность и узнаваемость. Угол восприятия меняется: летящая над городом, над островом, над Невой душа способна охватить одновременно ночную городскую «тьму», «петроградский дым», «апрельскую морось», «мосты» (мн. ч.). Иллюзия полета души создается сменой ракурса: в различном фокусе восприятия оказывается не отдельный фасад (дома на Среднегаванском или Биржи на стрелке), но мелькающие мосты («промелькнет над мостами» [9, т. 1, с. 209]), где форма множественного числа существительного семантически актуальна.

Особым образом в визуальный мир второй строфы стиха входит не выписанный словесно, но подтекстово контурирующийся (=едва проступающий) образ реки — с высоты полета души могут быть видны повисающие над большой Невой и Малой Невкой петроградские мосты. Между тем в мистическом (все)пространстве прощания-ухода *река* в стихотворении — далеко не только Нева, но и — в метафорическом плане — Стикс или Лета, на другой берег которой (которых) устремляется душа в Аиде. Синяя тьма Петербурга-Петрограда, дым-туман над рекой, морось и холод непогоды пробуждают узнаваемые мистические архетипы — в том числе подземное царство мертвых, принимающее души покидающих землю людей. Петербург и «петербургский текст» невольно включаются у Бродского в систему общечеловеческих иллюзий и аллюзий, позволяя поэтически преодолеть ограниченность конкретного локуса-полиса. Эсхатология «петербургского мифа» начинает ощущаться рядом с образом лирического героя «Стансов», обнаруживая свои отражения в пейзажно-мистическом облике города.

Если в первой строфе звучал голос только лирического героя, то во второй строфе его сменяет «неатрибутированный» голос: «— до свиданья, дружок» [9, т. 1, с. 209], который может быть сочтен ответной репликой олицетворенного (антропологизированного) по законам «петербургского текста» города [см. об этом: 8], к которому ранее был обращен монолог лирического персонажа, или прощальными словами души, удаляющейся во тьму. Бродский не уточняет «личностную» принадлежность слов-прощания, но в любом случае обращение «до свиданья» (не прощай) и «дружок» (с уменьшительно-ласкательным суффиксом) служит выражением как легкости расставания для города, у которого, надо полагать, множество подобных «дружков», так и отражением не-трагичности ухода для самой души (конститутивная черта художественной философии Бродского [1, 2, 4]). Однако, учитывая то обстоятельство, что героиней второй строфы оказывается *душа*, то логично именно за ней закрепить реплику «— до свиданья, дружок». При этом «безличность» прощания сознательно сохраняется Бродским — она понадобится ему в третьей строфе.

Облегченность прощальной фразы «до свиданья, дружок» тем не менее не снимает *трагизма* ухода (в целом — мироощущения) лирического героя: контраст между конечностью жизни и легкостью прощания удерживает стихотворение в силовых линиях антитестичности человеческого существования — земного и внеземного, сущего и надбытийного, реального и мистического. Конфликтность первой строфы инкорпорируется с конфронтированностью второй.

Наконец, система *градуированного* построения стиха приводит к третьему типу героя (героев). Если первая строфа была выражением космического взаимодействия лирического персонажа и города (лирического героя и Вселенной), если вторая строфа сужала пространство до пары «герой — душа», то третья строфа оказывается самой «локальной», живой и даже (в определенной мере) обывленной.

И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой,
— словно девочки-сестры
из непрожитых лет,
выбегая на остров,
машут мальчику вслед [9, т. 1, с. 209].

В «повествовательном» пласте стиха появляются образы девочек-сестер, которые заключены в свой собственный мини-сюжет: живут где-то на Васильевском острове, выбегают на берег Невы и «машут мальчику вслед» [9, т. 1, с. 209].

Образы девочек-сестер никак (кроме как через посвящение) (ИМЕННО ТАК, прошу сохранить в таком виде) не связаны с внутренним повествовательным сюжетом героя, но именно аббревиатуры Е.В. и А.Д. обеспечивают кольцевое обрамление стиха, придают стихотворному тексту завершенность и замкнутость.

Видение девочек-сестер возникает в тексте сразу после слов «до свиданья, дружок», стилистически (и отчасти семантически) позволяя сблизить сюжетные нити героя и героинь. Юным «сестрам» словно бы доступно разглядеть абрис удаляющейся души лирического героя, и именно ей (ему) они машут вслед. Ранее отмеченная намеренная «обезличенность» реплики «до свиданья, дружок» позволяет (в условной мере) передоверить восклицание девочкам-сестрам, прощающимся с мальчиком. Конкретика «фактологической» точности преодолевается Бродским и здесь.

Однако разноуровневое пересечение сюжетных линий в еще большей мере акцентирует контрасты бытия, отраженные в стихе: жизнь девочек («две жизни» [9, т. 1, с. 209]) ↔ смерть героя, «непрожитые лета» (будущее для девочек ↔ отсутствие будущего для центрального персонажа), жизнеутверждение и молодость одних ↔ «равнодушие» отчизны в отношении к другому¹. «Сюжетное» сближение только подчеркивает разность (жизней, судеб, мироощущения) героев, тем самым усиливая представление об особости и необычности лирического персонажа (*alter ego* автора).

Кольцевая композиция, первоначально обеспеченная инициалами двух девочек в дедикации и поддержанная мини-сюжетом «девочек-сестер» в третьей строфе, в финале стихотворного текста неизбежно возвращает к зачинным строкам стихотворения, заставляя довериться клятвенному признанию *исключительного* героя и признать *исключительность* его бытийных обстоятельств. Лиризованный субъективированный подсюжет третьей строфы («девочки-сестры») контрастирует по жизненной (живительной) силе с первой провидчески-пророческой строфой, осложняя восприятие взаимоотношений героя и Вселенной, актуализируя экзистенциальную аксиологию «Стансов», но и в этом (контр)контексте — одновременно — эксплицируя и акцентируя «смертную» связь героя (и, как аксиома, автора) с городом на Неве.

Таким образом, кажется, еще не сложное в поэтическом оформлении раннее стихотворение Бродского «Стансы» в значительной степени зависит от *восприятия* — перерастает границы «альбомной лирики», из разряда любовной лирики переходит в разряд философской (медитативной) (именно так. Вся статья посвящена именно этому. Прошу сохранить), обретая авторитетность хрестоматийного текста, точно и сущностно репрезентирующего поэта, остававшегося глубоко и искренне преданным городу (= «равнодушной отчизне») в продолжении всей его жизни (см. об этом: [1, 2]). Смена пространства (поэтической категории, конститутивно важной в художественной философии Бродского) не повлияла на смену приоритетов — любовь к городу и преданность ему подкреплялись настойчивой верностью географическим координатам Петербурга-Петрограда-Ленинграда (напомним о клятве Бродского при отъезде из страны посетить все города, расположенные на петербургских параллели и меридиане), неизменным поиском черт родного города как в американском Массачусетсе, так и в итальянской Венеции (и даже в османском Стамбуле [9, т. 5, с. 54–11, 281–315]). Реальность эмигра-

¹ Несмотря на юный возраст Бродского к весне (апрель) 1962 г. ему уже довелось испытать на себе «равнодушие» отчизны: 29 января 1962 г. Бродский был арестован в связи с делом А. Уманского и О. Шахматова и несколько дней провел во внутренней тюрьме КГБ на Шпалерной.

ции, которая имела место десять лет спустя после написания стихотворения «Стансы», лишь приумножила мистический смысл в поэтическом тексте гения.

Стихотворение «Стансы» подтверждают публицистически (эссеистически) выраженную Бродским мысль о том, что «петербургский текст» русской литературы «сравнился с действительностью до такой степени, что, когда теперь думаешь о Санкт-Петербурге, невозможно отличить выдуманное от доподлинно существовавшего» [9, т. 5, с. 61–62]. В этом плане, на наш взгляд, права А. Волчина, которая утверждает: «Иосифа Бродского по праву называют “петербургским” поэтом. Действительно <...> для Бродского Петербург не только объект изображения, место развертывания лирического сюжета, но и контекст, необходимый для понимания его поэзии. Произведения Бродского насыщены петербургскими реалиями, петербургской символикой и сама судьба его — судьба поэта — стала фактически частью петербургского мифа. Таким образом, русскоязычный читатель безусловно воспринимает произведения Бродского — и в первую очередь стихотворения, посвященные родному городу поэта (а таких немало) — как часть Петербургского текста, что обогащает и в то же время делает доступной их смысловую структуру» [3, с. 258].

«Альбомное» стихотворение талантливого Бродского оказалось способным преодолеть границы любовной лирики и подняться до уровня философского, мировоззренческого.

Список литературы

Исследования

- 1 *Богданова О.В.* «Петербургский подтекст» Иосифа Бродского. СПб.: Изд-во Филологического ф-та Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2012. Серия: «Литературные направления и течения». Вып. 56. 26 с.
- 2 *Богданова О.В.* Петербург и Венеция в поэтическом тексте Иосифа Бродского // *Городской текст в английской и других европейских литературах: сб. ст. по мат. Междунар. конф. российской ассоциации преподавателей английской литературы.* Н. Новгород: Изд-во Мининского ун-та, 2019. С. 152–157.
- 3 *Волчина А.С.* Петербург / Leningrad: «свое» и «чужое» в англоязычном творчестве поэта // *Иосиф Бродский: проблемы поэтики: сб. науч. тр. и мат. / ред. А.Г. Степанов, И.В. Фоменко, С.Ю. Артемова.* М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 256–259.
- 4 *Гордин Я.* Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. О судьбе Иосифа Бродского. 2-е изд., испр. М.: Время, 2010. 256 с.
- 5 *Измайлов А.* «Я сын фотографа...» — писал Иосиф Бродский // *Нева.* 2010. № 5. С. 224–232. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/22003260> (дата обращения: 01.08.2023).
- 6 *Лосев Л.* Юношеские стихи Бродского // *Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии.* 3-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2008. 447 с.
- 7 *Ранчин А.* Этюды о двух городах: Петербург и Венеция в поэзии Иосифа Бродского // *Новый мир.* 2016. № 5. С. 150–168.
- 8 *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 614 с.

Источники

- 9 *Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. 2-е изд. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. Т. 1. 304 с. СПб.: Пушкинский фонд, 1999. Т. 5. 376 с.

***

© 2024. Olga V. Bogdanova
St. Petersburg, Russia

© 2024. Elizaveta A. Vlasova
St. Petersburg, Russia

**STRATEGIES FOR PERCEIVING A POEM
BY JOSEPH BRODSKY “STANZAS”**

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation no. 23-18-01007, Available at: <https://rscf.ru/en/project/23-18-01007/>; Russian Christian Academy for Humanities.

Abstract: The paper offers an analysis of the famous poem by Joseph Brodsky “Stanzas (‘I don’t want to choose a country or a churchyard...’)”, which is very popular among fans of the Nobel Laureate’s work (1987), but very rarely turns out to be the subject of literary reflection, predominant interpretation of which is inclusion in general reviews. The study shows that the text of “Stanzas” generates controversy and that the practice of its perception is dual. Some researchers (e. g., A. Izmailov) refer the poem to love lyrics — on the grounds that it initially represents a text “in an album” and includes a dedication to the author’s girl-friends (E.V., A.D.). Other researchers (including the authors of this article) analyze the mechanism of the love text growing into a meditative, philosophical one and identify artistic strategies that allow moving to a different (not intimate) level of perception of Brodsky’s “Stanzas”. The authors show that the metaphysics of the space modeled by Brodsky overcomes the scale of the real geographical coordinates of the strict streets-lines of Vasilyevsky Island of Leningrad, but reveals the multidimensionality of the philosophical vector-gaze of the lyrical hero of “Stanzas”. The sphere of the lyrical character’s presence is not Vasilyevsky Island, but the mystical and mythological boundless Universe. The contrast of universality and particularity, boundlessness and concreteness, demonstrated by Brodsky, introduces tension and drama into the narrative, marks the acuteness of the internal conflict of the poetic plot, allowing to overcome the author’s public “dislike” for one of his most intimate poems.

Keywords: I. Brodsky, “Stanzas” (1962), Love and Meditative Lyrics, Factual and Mythology, “Petersburg Text”.

Information about the authors:

Olga V. Bogdanova — DSc in Philology, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Moika River Emb. 48, 191186 St. Petersburg, Russia; Russian Christian Academy for Humanities, Fontanka River Emb. 15, 191023 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>

E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Elizaveta A. Vlasova — DSc in Philology, Senior Librarian of the Manuscript Department of the Russian National Library, Sadovaya St. 18, 191069 St. Petersburg, Russia; Russian Christian Academy for Humanities, Fontanka River Emb. 15, 191023 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5781-7466>

E-mail: kealis@gmail.com

Received: August 7, 2023

Approved after reviewing: February 21, 2024

Date of publication: June 25, 2024

For citation: Bogdanova, O.V., Vlasova, E.A. “Strategies for Perceiving a Poem by Joseph Brodsky ‘Stanzas’.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 72, 2024, pp. 177–187. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-177-187>

References

- 1 Bogdanova, O.V. “Peterburgskii podtekst” Iosifa Brodskogo [“Petersburg Subtext” by Joseph Brodsky]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2012. Vol. 56. 26 p. Series: “Literaturnye napravleniia i techeniia” [“Literary trends”]. (In Russ.)
- 2 Bogdanova, O.V. “Peterburg i Venetsiia v poeticheskom tekste Iosifa Brodskogo” [“St. Petersburg and Venice in the Poetic Text of Joseph Brodsky”]. *Gorodskoi tekst v angliiskoi i drugikh evropeiskikh literaturakh: sbornik stateti po materialam Mezhdunarodnoi konferentsii rossiiskoi assotsiatsii prepodavatelei angliiskoi literatury* [Urban Text in English and other European Literatures: Collection of Proceedings by International Conference of the Russian Association of Teachers of English Literature]. Nizhniy Novgorod, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 152–157. (In Russ.)
- 3 Volchina, A.S. “Peterburg / Leningrad: ‘svoe’ i ‘chuzhoe’ v angloiazыchnom tvorchestve poeta” [“Petersburg / Leningrad: ‘Your Own’ and ‘Someone Else’s’ in the English-language Work of the Poet”]. *Iosif Brodskii: problemy poetiki: sbornik nauchnykh trudov i materialov* [Joseph Brodsky: Issues of Poetics: a Collection of Scientific Papers and Materials], ed. by A.G. Stepanov, I.V. Fomenko, S.Iu. Artemova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 256–259. (In Russ.)
- 4 Gordin, Ia. *Rytsar’ i smert’, ili Zhizn’ kak zamysel. O sud’be Iosifa Brodskogo* [The Knight and Death, or Life as a Plan. About the Fate of Joseph Brodsky]. 2nd ed., corr. Moscow, Vremia Publ., 2010. 256 p. (In Russ.)
- 5 Izmailov, A. “‘Ia syn fotografa...’ — pisal Iosif Brodskii” [“‘I am the Son of a Photographer...’ — Wrote Joseph Brodsky”]. *Neva*, no. 5, 2010, pp. 224–232 Available at: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/22003260> (Accessed 1 August 2023). (In Russ.)
- 6 Losev, L. “Iunosheskie stikhi Brodskogo” [“Brodsky’s Youthful Poems”]. Losev, L. *Iosif Brodskii. Opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky. The Experience of Literary Biography]. 3rd ed., corr. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008. 447 p. (In Russ.)
- 7 Ranchin, A. “Etiud o dvukh gorodakh: Peterburg i Venetsiia v poezii Iosifa Brodskogo” [“A Study about Two Cities: St. Petersburg and Venice in the Poetry of Joseph Brodsky”]. *Novyi mir*, no 5, 2016, pp. 150–168. (In Russ.)
- 8 Toporov, V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury: izbrannye trudy* [The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 2003. 614 p. (In Russ.)